

УДК 391.1. 511.132(470.319)

doi 10.17072/2219-3111-2020-4-139-146

ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ ОРЛОВСКИХ КОМИ: СПЕЦИФИКА И ДИНАМИКА НА «ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕЛОМЕ» 1920-Х ГОДОВ*И. Ю. Трушкова*Вятская государственная сельскохозяйственная академия, 610017, Киров, Октябрьский проспект, 133
trushkova@vyatsu.ru

Западные коми-пермяки жили в Орловском уезде Вятской губернии, их этнокультура обнаруживала ряд особенностей и сходств с этнокультурой других общностей коми и соседних народов. Рассматривается традиционный женский костюм на «историческом переломе» 1920-х гг. Ранний вариант костюма включает головной убор «сороку», рубаху с косыми кумачовыми поликами, прямым рукавом с продольной вышивкой, красный косоклинный сарафан с поясом, фартуком, бусы с раковинами «каури» и стеклярусом, медные двусторонние серьги и кольца, накосные украшения. Анализируются костюмные комплексы данной этнической группы. Косоклинные сарафаны из покупной красной ткани или синего крашеного холста декорировались зеленым шерстяным шнуром, уложенным в стилизованное дерево на груди и по центру подола спереди. Спинка украшалась тесьмой, нашитой выше лопаток. Поздний вариант включал рубахи с кокетками, как у русских в Велико-Устюжской округе, прямые пестрядинные сарафаны, как на средней Вятке. Головные уборы, платки, фартуки и пояса воспроизводились по-старому. Анализ костюмных комплексов позволяет выявить ареалы, периоды и направления контактирования орловских коми с соседними этническими общностями. Делается вывод о сходстве традиционной одежды данной группы коми с костюмами мари и удмуртов Вятки, западных финно-угров, русских, живших на западе и юге от рассматриваемой территории. «Текстильная этнография» в той или иной степени соотносится с археологией, топонимикой и др. Этнографические изыскания приводят к усложненному восприятию культур локальных общностей коми, в том числе их костюмных комплексов.

Ключевые слова: западные коми-пермяки, традиционный костюм, этнокультурная компаративистика.

Георгий Николаевич Чагин принимал у нашего курса вступительные экзамены, преподавал «Основы этнографии» и «Музееведение», проводил этнографическую практику. Позднее, когда моя научная судьба определилась в этнографии, поддержал меня с оппонированием кандидатской и докторской диссертаций. К нему всегда было можно обратиться с вопросом, его знали и уважали коллеги, работающие на территории от Владивостока и Архангельска до Петербурга и южных регионов нашей страны. Обладающий энергией, широкими знаниями, виртуозным в теории умом он служил примером для его многочисленных учеников в научной, образовательной, культурной деятельности. В совместных планах было написание статей о коми-пермяках Кировской области и Коми-Пермяцкого автономного округа.

Доктору исторических наук, профессору Пермского университета Георгию Николаевичу Чагину с благодарностью посвящается

Западными коми-пермяками или орловскими коми в научной литературе обычно именовались те группы, которые жили на северо-западе Вятской губернии, на территории Орловского уезда. До губернского районирования, т.е. до 1796 г., в средневековых и постсредневековых документах эти земли соотносились с Лузской Пермцей и некоторыми другими более южными территориями [Жеребцов, 1972, с.30].

Этническая история рассматриваемой общности включает оформление группы, проявление специфики, развитие хозяйства с плужным и подсечно-огневым земледелием. И если со стороны северного населения, коми-зырян, хозяйственно-культурный тип этой области воспринимался как максимально земледельческий, то со стороны Вятки – как земледельческий, но с большой долей охоты и других занятий [Зеленин, 1904, с.151; 1913, с. 375, 379]. Земли западных коми-пермяков находились вдали от миграционных потоков из Устюга в Вятку. Такое положение позволяло, с одной стороны, контактировать с соседями, с другой – жить обособленно, сохраняя архаику и специфику.

К началу XX в. данная территория оказалась вдалеке от железной дороги Пермь – Котлас. На севере от нее жили летские коми, на западе и юге – вятские русские, включая старообрядцев. Здешние коми были достаточно зажиточными, с лошадьми в хозяйстве, торговля велась в с. Слудка и других населенных пунктах. У них фиксировалось особое наречие. После 1917 г. отношение властей к национальным меньшинствам претерпело изменения. Активизировалась работа таких структур, как Наркомнац, Комиссия по изучению племенного состава России и сопредельных стран (КИПС), местных общественно-политических ячеек. Стало меняться районирование. Западные коми-пермяки, или орловские коми, были включены в состав двух соседних административных образований – Вятской области и только что образованной Республики Коми (Вятский статистический..., 1924, с. 9, 10). Так, на территории современной Кировской области обозначилась еще одна территория коми – север Орловского уезда. В источниках XIX в. эти две группы были определены как коми-пермяцкие [*Штейнфельд*, 1892, с. 278; *Добротворский*, 1883, с. 238].

При советской власти началось изучение малых этнических образований. Вятским НИИ краеведения и Вятским педагогическим институтом проводилось анкетирование населения, в том числе по программам КИПС, была организована экспедиция в указанный регион, материалы которой, как и анкетирования, в наши дни лишь фрагментарно сохранились в разных собраниях – в фондах Кировского краеведческого музея, Центрального государственного архива Кировской области, Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН и др.

В 1920-х гг. происходили судьбоносные разъединительные и объединительные процессы и у орловских коми, северная часть которых, попав в состав Республики Коми, стала «зыряниться» [*Плесский*, 1926, с.111]. Экспедиция Кировского областного краеведческого и Коми республиканского музеев в 1996 г. обнаружила материалы мемориального и фрагментарного бытования этнокультуры орловских коми на территории Кировской области и вследствие «зырянизации» бытования некоторых элементов культуры орловских коми в рамках лузско-летского варианта культуры коми-зырян как некий субстрат в суперстрате.

Говоря об историографии изучаемого вопроса, следует начать с упоминания исследования Н. А. Добротворского в XIX в. Ему принадлежит описание быта всех крестьян Орловского уезда Вятской губернии, в том числе коми. Последним посвящен очерк «Пермяки» [*Добротворский*, 1883].

Выдающийся этнограф Д. К. Зеленин констатировал распространенное в начала XX в. представление о коми в данном регионе: «В Орловском уезде, близ дер. Бутырок, есть серный ключ. – В уезде живут также "пермяки" (зыряне), более 5 тыс., главное их занятие охота» [*Зеленин*, 1904, с.151]. Во второй половине XX в. комплекс работ по теме пополнился исследованиями, в которых, в частности, освящаются процессы оформления групп коми начиная со Средневековья [*Жеребцов*, 1972, 1996, 1998]. По материалам археологических раскопок изучалось население южных районов Республики Коми [*Савельева*, 1972]. Этнографии коми-зырян лузско-летской группы посвящена работа Ю.И. Бойко [*Бойко*, 2018].

Источниковая база статьи включает письменные свидетельства, содержащиеся в статистических документах, анкетах и материалов архивов Вятского НИИ краеведения, музейных собраний, как уцелевших в период репрессий музейщиков, после экспедиций 1920-х гг., так и полученные в этнографических экспедициях в Кировской области в 1990–2017 гг.

На основе указанных материалов можно реконструировать картину бытования и выявить территориально-временную специфику уникального, принадлежавшего западным коми-пермякам, орловским коми, традиционного костюмного комплекса.

Как известно, особенность этого костюмного комплекса была отмечена еще Сирелиусом в 1907 г. (Karhu, 1980, № 88). Но им несколько неверно были аннотированы фотоматериалы – Пермской, а не Вятской губернии. В северной части Орловского уезда Вятской губернии, а ныне в Мурашинско-Летском пограничье, жили коми особой группы. «...Эти коми у нас пермяками называются...» (Архив Кировского... Ф.2. Оп. 1. Д. 257. Л. 5). В 1920–1930-е гг. они еще сохраняли свой язык, сходный с коми-пермяцкими диалектами, и особенности костюма. Русское население Мурашинского района отмечает: «Коми очень любили желтый цвет в костюме, обязательно на юбку желтые ленты нашивали. У них свои наряды были ... всегда ходили в лаптях, рукавицы узорчатые были, и у нас узоры пошли от них - они приезжали продавать эти ру-

кавицы в Мураши...»; «... Богато жили они ... одеждой отличались, бурки из оленины, цветов больше, коми из ивы свои лапти плели, красиво...». Сами коми про свою одежду говорят так: «...Ой, сейчас я вам про коми лопоть расскажу – красиво, ярко надевались раньше...» (Архив Кировского... Ф.2. Оп. 1. Д. 257. Л. 6).

Рис. 1. Традиционный женский костюм орловских коми

Рис. 2. Бусы с раковинами «каури»

Рис. 3. Фрагмент кроя нагрудной части женской рубахи

Как всегда, маркер локального костюмного комплекса – женская одежда. Основу женского костюма составляла рубаха, оригинально скроенная и украшенная. Она шилась из двух частей. Верхняя часть, как обычно, была из более тонкого ситца. Прямое полотнище рукава пришивалось к краю прямоугольного куска холста, представляющего собой полочку. У узкого ворота-стойки разрез по центру, к нему и к воротнику подкраивается красная сатиновая материя, из нее же нашивка на плече. По вороту, на рукаве – вышивка: мелкие растительно-

геометрические узоры темно-красным шелком. Застежка на вороте – на мелкую пуговицу из желтого металла кустарного производства [Трушкова, 2005, с. 402–403, илл. 178].

Такую рубаху носили с сарафаном из крашеного холста или покупного материала. Сарафан широкий, косоклинный, наплечные ляжки также широкие. У нагрудного разреза и по подолу – фигурные нашивки тесьмы, на спине, в наплечной части, – нашивки позумента. Фартук и пояс также были яркими, контрастными. Фартук – из бирюзово-зеленого ситца, прямой, чуть собран, у пояса – обшивки; пояс – из шерсти фиолетово-желтых, фиолетово-красных сочетаний.

На голове замужние женщины носили головной убор типа «сороки». Сходство головных уборов раннего варианта с марийской «сорокой» заключалось в идентичности типов деталей (выделялись достаточно четко очелье, крылья и позатыльня), а также в двучастном делении очелья и выделении приемами вышивки центрального прямоугольного пространства в верхней части. Но от марийской «сороки» рассматриваемый головной убор отличался закругленным верхом очелья, вертикальными, а не горизонтальными полосами вышивки на позатыльне, некоторыми видами техники вышивания и отсутствием каркаса в налобной части. От летской «сороки» данный вид головного убора отличался рудиментарностью крыльев-завязок, у них не было больших кумачовых завязок с бахромой по низу.

Отмечено существование девичьего головного убора: «...Девки раньше головедец носили, из мелкого бисера... носили как колочка на голову венки, а наряд был такой же...» Сохранились воспоминания о том, что при комплектовании предметов одежды в единый костюм они должны были отличаться друг от друга по цвету [Трушкова, 2005, с. 403–404].

Из межсезонной одежды был распространен «бекеш» из черной ткани, но с ярким подкладом. По талии его сильно присбаривали сзади. Сарафан и передник были видны из-под него. «Бекеш» носили и мужчины, и женщины. Надевали на свадьбы, на танцы.

Повседневная одежда была в основном холщовая. Мужские рубахи – пестрядинные или «простые». У мужчин пояс «юкас» был шире, чем у женщин, и кисти больше. На чулки надевали портянки [Трушкова, 2005, с.404].

С большой долей вероятности в ходе летской экспедиции 1926 г. были приобретены и переданы в Вятский публичный музей специфичный женский головной убор «волосяник», простеганный и зашитый в круг и имевший отогнутые края, кожаный кошелек с медными пуговицами, в котором хранили кремь и трут. По типу креплений этот кошелек должен был прикрепляться к поясу. Хранятся в музее и бусы из стекляруса с раковинами «каури». Сохранилось кольцо из желтого металла со скромным украшением, которое было приобретено у коми Слудской волости Орловского уезда. Имеются также медные серьги с двусторонними стеклянными вставками (Архив Кировского..., коллекция тканей).

В коллекцию украшений данной этнической группы входили и наконечное украшение в виде распушенной кисти из пестрых шерстных ниток и с четырьмя медными пластинками у общей завязки, бусы из бледно-зеленого стекла.

Более новый женский костюмный комплекс датируется началом XX в. и более поздним временем. Он включает пестрядинный сарафан, рубахи из покупного яркого ситца, «сороку», повязанную покупным платком. Пояс оставался прежним, из шерсти желтого и фиолетового цвета. Имелись также заготовки для рубах с косыми поликами (Архив Кировского... Ф.2. Оп. 1. Д. 257. Л. 8).

В 1920-е гг., во время «исторического перелома», у орловских коми сосуществовали обе формы традиционного костюма. Позднее стали активно входить в обиход комплекты «юбка с кофтой», но в соответствующей (яркой) цветовой гамме.

В наши дни традиционная одежда, головные уборы хранятся как вещи, доставшиеся от родителей. Из холстов шьются хозяйственные сумки, не прекращено производство варежек, чулок из домашней шерсти, причем делается это иначе, чем в Афанасьевском районе (Архив Кировского... Ф.2. Оп. 1. Д. 257. Л. 8).

Небезынтересны некоторые этнокультурные построения из предметов традиционной одежды западно-пермяцкой этнической группы и соседних этнических образований. Своими маркерами их выступают женские головные уборы «сорока», крой поликов на женских рубахах, крой и декор сарафанов раннего вида.

«Сороки» в более позднем варианте традиционного костюма указанной этнической группы по форме и декору схожи с марийскими женскими головными уборами, отмеченными на западе Вятского края, от Котельничского до Яранского уездов. Очелье почти полностью идентично – те же растительно-геометрические узоры красно-кирпичного цвета с дополнениями, то же обрамление по краям. Сходным образом оформлялись так называемые крылья, максимальное различие в расположении орнаментальных рядов зафиксировано на позатыльке: в коми вариантах они вертикальные в центре, на марийских – горизонтальные в нижней части. Закругленный верх очелья «сорок» у западных коми-пермяков – как и в русских головных уборах в Тверской губернии [Шмелева, Тазихина, 1970, с.118]. В оформлении головных уборов в более позднем костюмном комплексе произошла некоторая стилизация.

Рубахи женские из раннего комплекта по крою и декору отличается не только от рубах коми, но и от русских, удмуртских, марийских и татарских. Полики, скроенные по косой, и выполненные из контрастного материала (красного кумача), имели аналоги в южнорусских вариантах костюма [Пармон, 1994, с. 222–223].

Еще один показательный пример. Некоторые виды славянских жилищ на Вятке археологи также выводят из южнорусских регионов. Так полуземлянки, жилые и хозяйственные оборонительные клетки свидетельствуют о живучести домонгольских традиций крепостного зодчества на Средней Вятке, а также о связях с Южной Русью, где аналогичные сооружения строились в XII – XIII вв. [Макаров, 2001, с. 16]. Однако сходные жилищные конструкции наблюдались и на археологических памятниках предков финно-угров в центре европейской части России, датированных железным веком, Средневековьем [Археология СССР, 1987, с. 70, 71]. Иначе говоря, некоторые культурные черты, обычно соотносимые с южнорусскими реалиями, связывать только с ними не всегда можно.

С учетом большой распространенности южнорусских костюмов по сравнению с севернорусскими вариантами можно предположить, что в Средневековье в некоторых комплексах севернорусских рубах могли присутствовать полики, скроенные по косой. Как следы их можно воспринимать контрастные красные вставки у горловины вепсской женской рубахи в Карелии (Шелтозерский вепсский краеведческий музей). Также сравнение можно провести с костюмами западных финнов.

Нагрудный разрез женских рубах орловских коми сравним с оформлением марийской рубахи, обнаруженных в Тужинском районе Кировской области. Орнаменты на них выполнены шелком красно-кирпичного цвета, как у мари и удмуртов [Трушкова, 2005, с. 383, 502, 363].

В сарафанах специфичными являются крой и цветовая гамма. Красная покупная ткань и однотонный синий холст говорят о достаточной зажиточности населения, их использовавшего. Воспроизведение косоклиньных сарафанов из красного кумача обнаружено и у язьвенских коми [Чагин, Черных, 2002, с.20]. Зеленым галуном выложен орнамент – тоже архаика. По подолу в центре символ – как у марийцев. Стилизованный декор наспинной части сарафана также связан с традицией, существовавшей у вятских мари [Трушкова, 2005, с.383,394].

На территории Летки в костюмном комплексе с «сорокой» зафиксирован косоклиньный сарафан с «гвоздичной тесьмой по центру». Такие сарафаны встречались не только у русских, но и в с. Кай, а также в вятско-костромском пограничье, где они сохранились в комплексе с головными уборами «кичка», «кика», аналогичными уборам чердынских коми-пермяков. Очевидно, эти явления – своего рода атавизмы некогда достаточно широко распространенного коми-пермяцкого этнокультурного массива.

При анализе этнографических материалов, касающихся костюма орловских коми в 1920-х гг. следует осуществлять сравнение не только в пространстве, но и во времени. Изучение позднее появившихся деталей рубах и декора позволяют провести немало аналогий с костюмами соседей русских в Лальско-Лузской и Подосиновской округе, а также в районе Великого Устюга. Речь идет о рубахах с кокетками, прямыми рукавами, сборкой у запястья, а также с прямыми сарафанами и фартуками. Особенности костюма сохранялись лишь в декоре и подборе цветовой гаммы. Как правило, у орловских коми она была более яркой.

Анализ этнографических материалов позволяет определить место орловского костюмного комплекса среди костюмных комплексов вятской и коми территорий. Рассматриваемый комплекс традиционной одежды представляется неким реликтом в народной одежде. Кроме

того, в нем обнаруживаются аналоги орнаментов одежды живших южнее марийцев Котельничской земли, сходство с одеждой коми-пермяков Пермской губернии, в том числе коми-язвинцев. Стилизация костюмов в начале XX в. шла сходным путем со стилизацией костюмов живших по соседству русских Лальско-Лузской и Велико-Устюжской округи.

Костюмный комплекс западных коми-пермяков, или орловских коми, будучи неповторимым, отражает многовековую историю большой территории от вологодских рубежей до склонов Урала и от побережья Северного ледовитого океана до вятских просторов. Некоторые комплексы стали субстратом в суперстрате других. Этническая территория орловских коми – своеобразный анклав и для зырян, и для пермяков. И 1920-е гг. для нее – перекресток, когда наблюдались и старые и новые явления в этнокультурах. Изучение таких географических и хронологических перекрестков важно для воссоздания полной картины этнических процессов и определения их хода.

Список источников

- Вятский статистический ежегодник за 1922 г. Вятка: Б.и., 1924. 260 с.
Материалы этнографической экспедиции Вятского государственного университета. 2017. 38 с.
Архив Кировского областного краеведческого музея. Ф.2. Оп. 1. Д. 257. Л. 1 — 13.
Шелтозерский вепский этнографический музей им. Р.П. Лониной.
Karhu I. The Great Bear. Old Photographs of Volga-Finnic and Ob-Ugrian Peoples / Ed. by I. Lehtinen, Ju. Kukkonen. O.Painosilta. Lahti, 1980. 156 p.

Библиографический список

- Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с.
Бойко Ю.И. Традиционная культура прилузских коми (конец XIX – первая половина XX вв.) // Изв. О-ва археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань: Б.и., 2018. Т. 38, №1. 192 с.
Добротворский Н.А. Пермяки: Бытовой и этнографический очерк // Вестник Европы. 1883. Т. 3, кн. 3. С. 229–264; Кн. 4. С. 544–580.
Зеленин Д.К. Кама и Вятка: Путеводитель и этнографическое описание Прикамского края. Юрьев: Тип. Эд. Бергмана, 1904. 180 с.
Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Тип. Орлова, 1913. 557 с.
Жеребцов И.Л. Население Коми края во второй половине XVI – начале XVIII в. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1996. 258 с.
Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар: Изд-во Коми НИЦ УрО РАН, 1998. 174 с.
Жеребцов Л.Н. Расселение коми в XV – XIX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1972. 64 с.
Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: Учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2001. 140 с.
Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М: Легпромбытиздат, 1994. 272 с.
Плесский В.П. Экспедиция на р. Летку (предварительное сообщение) // Тр. Вятского пединститута им. В.И. Ленина. Вятка: Б.и., 1926. Т.1. С.106–112.
Савельева Э.А. Лузская Пермца. Сыктывкар: Б.и., 1972. 44 с.
Трушкова И.Ю. Традиционные костюмные комплексы Вятского региона: проблемы формирования, взаимовлияния, современного состояния // История и культура Вятского края. М.; Киров: Акад. проект – Константа, 2005. Т. 2. С. 293–510.
Чагин Г.Н., Черных А.В. Народы Прикамья: Очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. Пермь: Б.и., 2002. 304 с.
Шмелева М.Н., Тазихина Л.В. Украшения русской крестьянской одежды // Русские. Историко-этнографический атлас. Из истории русского народного жилища и костюма (украшения кре-

стьянских домов и одежды). Середина XIX – начало XX в. / под ред. В.А. Александрова и др. М.: Наука, 1970. С. 89–123.

Штейнфельд Н.П. Зюздинский край (Глазовского уезда) // ПКВГ на 1893 год. Отд. 3. Вятка: Б.и., 1892. С. 272–312.

Дата поступления рукописи в редакцию 17.12.2019

TRADITIONAL COSTUME OF THE ORLOVSKY KOMI: SPECIFICITY AND DYNAMICS AT THE “HISTORICAL TURNING POINT” OF THE 1920s

I. Yu. Trushkova

Vyatka State University, Lenin str., 111, 61002, Kirov, Russia
trushkova@vyatsu.ru

Western Permian Komi lived in the Orlovsky district of the Vyatka province, and their ethnic culture revealed a series of features and similarities with other communities of the Komi and neighboring peoples. The article analyzes the costume complexes of this ethnic group. A bright page in the history of material culture is represented by the traditional women's costume at the “historical turning point”, i.e. in the 1920s. Its early version includes a magpie headdress, a shirt with slanting Cumack rugs, a straight sleeve with longitudinal embroidery, a red Kosoklinny sarafan, a belt, an apron, beads with Kauri shells and glass beads, double-sided copper earrings and rings, and nasal jewelry. Kosoklinny sarafans from purchased red fabric or blue dyed canvas were decorated with a green woolen cord laid in a stylized tree on the chest and in the centre of the hem in front. The back was decorated with braid sewn above the shoulder blades. The later version includes shirts with yokes, like the Russians in the Veliko-Ustyug district had, and straight pest-row sarafans, like in the middle Vyatka region. Headdresses, scarves, aprons and belts were reproduced in the old way.

Key words: Western Komi-Permyaks, traditional costume, ethnocultural comparative studies.

References

- Archeologiya SSSR Finno-ugry i balty v epohu Srednevekov'ya* (1987) [Archeology of the USSR. Finno-Ugric peoples and Balts in the Middle Ages], Nauka, Moscow, Russia, 512 p.
- Boyko, Yu.I. (2018), “Traditional culture of Komi Priluzye (late 19th – first half of the 20th century)”, *Izv. O-va archeologii, istorii i etnografii pri Kazanskom universitete*. Volume 38, № 1, 192 p.
- Chagin, G.N. & A.V. Chernykh (2002), *Narody Prikamya; ocherki etnokulturnogo razvitiya v 19 – 20 vekah* [Peoples of the Kama Region: Essays on Ethnocultural Development in the 19th – 20th centuries], n.p., Perm, Russia, 304 p.
- Dobrotvorsky, N.A. (1883), “Permians. Household and ethnographic essay”, *Vestnik Evropy*, vol. 2, book 3, p. 229-264; book 4, pp. 544-580.
- Makarov, L.D. (2001), *Drevnerusskoe naselenie Prikam'ya v 10 – 15 vekah. Uchebnoe posobie* [The Old Russian population of Prikamye in the 10th – 15th centuries. Tutorial], n.p., Izhevsk, Russia, 140 p.
- Parmon, F.M. (1994), *Russkiy narodny kostyum kak hudozhestvennokonstruktorskiy istochnik tvorchestva* [Russian folk costume as an art and design source of creativity], Legprombytizdat, Moscow, Russia, 272 p.
- Plessky, V.P. (1926), “Expedition to the river. Letka (preliminary report)”, in *Trudy Vyatskogo pedinstitutu im. V.I. Lenina* [Proceedings of the Vyatka Pedagogical Institute named after V.I. Lenin], Vol. 1, n.p., Vyatka, Russia, pp. 106–112.
- Savelyeva, E.A. (1972), *Luzskaya Permtsa [Luza Permtsa]*, n.p., Syktyvkar, Russia, 44 p.
- Shmeleva, M.N. & L.V. Tazikhina (1970), “Jewelry of Russian peasant clothes”, in Alexandrova, V.A. (ed.), *Russkie. Istoriko-etnograficheskiy Atlas. Iz istorii russkogo narodnogo zhilishcha i kostuma (ukrasheniya krestyanskih domov i odezhd)* [The Russians. Historical and Ethnographic Atlas. From the history of the Russian national dwelling and costume (decoration of peasant houses and clothes) mid-XIX – early XX centuries], Nauka, Moscow, Russia, pp. 89–123.
- Shteinfeld, N.P. (1892), “Zyuzdinsky Krai (Glazovsky Uyezd)”, in *Pamyatnaya knizhka Vyatskoy gubernii na 1893, Vyp.3* [Memorial book of the Vyatka province for 1893. Vol. III], n.p., Vyatka, Russia, pp. 272–312.
- Trushkova, I.Yu. (2005), “Traditional costume complexes of the Vyatka region: problems of formation, mutual influence, modern status”, in *Istoriya i kul'tura Vyatskogo kraya* [History and culture of the Vyatka region], Vol. 2, Akad. proekt – Konstanta, Moscow – Kirov, Russia, pp. 293–510.
- Zelenin, D.K. (1904), *Kama i Vyatka. Putevoditel' i etnograficheskoe opisanie Prikomskogo kraya* [Kama and Vyatka. Guide and ethnographic description of the Kama region], Tip. Ed. Bergmana, Yuryev, Russia, 180 p.

Zelenin, D.K. (1904), *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperehodnym smyagcheniem zadneneznykh soglasnykh v svyazi s pozneyshey velikorusskoy kolonizatsiey* [Great Russian dialects with inorganic and intransient softening of dystopian consonants in connection with the course of later Great Russian colonization], Tip. Orlova, St. Petersburg, Russia, 557 p.

Zherebzov, I.L. (1996), *Naselenie Komi kraya vo vtoroy polovine XVI – nachale XVIII veka* [The population of the Komi region in the second half of the 16th – early 18th century], Izd-vo UrO RAN, Yekaterinburg, Russia, 258 p.

Zherebzov, I.L. (1998), *Komy kray v XVIII – seredine XIX vv.: territoriya i naselenie* [Komi region in the 18th – mid-19th century: territory and population], Izd-vo Komi NTS UrO RAN, Syktyvkar, Russia, 174 p.

Zherebzov, L.N. (1972), *Rasselenie komy v XV – XIX vv.* [The resettlement of the Komi in the 15th – 19th centuries], Komi kn. izd-vo, Syktyvkar, Russia, 64 p.